

Одной тарелки свиной крови хватило, чтобы Вэнь Ецай заснул лишь к утру, а на следующий день казалось, будто его руки и ноги заново приладили к телу, и ни одна толком не слушалась хозяина. Зато виновник, Юй Шанчжи, поднялся чуть свет и заботливо поднёс прямо к кровати умывальные принадлежности и завтрак.

Самому Вэнь Ецаю от лени не хотелось и пальцем шевельнуть, потому, хотя он и собирался сходить взглянуть, как там всходят недавно посеянные зерна, пришлось отложить это дело на после полудня.

На удивление, утро выдалось не слишком жарким. Вскоре зашел Бай Пин, прижимая к груди малыша Сяо Дие-гера, и принес корзинку шелковицы.

— Это Дашу вчера набрал, — улыбаясь, сказал он. — Я попробовал, такие сладкие! Глянь, до того руки перепачкал, что ногти и сегодня ещё все фиолетовые.

Вэнь Ецай не стал церемониться, взял ягоды, понёс мыть и заодно поиграл с Сяо Дие-гером. Спелая шелковица вкусна, но уж если дошла до этой степени, значит, храниться не будет, и через пару дней вся уйдёт на корм птицам.

— А Юй-ланчжун не дома? — Бай Пин взглянул на восточную комнату, там было пусто.

— Пошёл к семье Хань навестить Го-гера, — отозвался Вэнь Ецай, возвращаясь с вымытой миской шелковицы и протягивая горсть сидевшему в комнате за книгой Вэнь-саня.

Оставшиеся ягоды Вэнь Ецай не тронул, поставил на плиту — пусть Юй Шанчжи и Вэнь-эрню съедят, когда вернутся.

— Не знаю уж, удастся ли Го-геру сохранить ребёнка, — сказал Бай Пин, играя с малышом бумажной вертушкой, которую только что сунул ему Вэнь Ецай. Маленький Сяо Дие-гер то и дело тянулся руками, пытаясь ухватить, а сам Бай Пин нахмурил брови, продолжая: — Я ведь слышал от Юй-ланчжуна: если не удастся, может, оно и к лучшему. Подождать пару лет, подправить здоровье, тогда уж родить крепыша.

— Если бы свекровь у него была разумная, тогда да, дело ясное, — отозвался Вэнь Ецай, бросив в рот несколько ягод. Потом он сердито дёрнул губами: — А с такой, как Цай Байцао... тьфу. Я вот думаю, а если дитя родится слабым, как Санья? Тогда и матери страдать, и малышу не житьё.

— А кто ж спорит, — тяжело вздохнул Бай Пин.

Оба гера сидели в зале, беседуя вразброд то о том, то о сём. Спустя некоторое время Бай Пин заметил, что Вэнь Ецай то двинется неловко, то рукой потянется к пояснице. Вдруг на его лице мелькнуло озарение, он даже чуть прищурился от смеха.

— Вот оно что! А я-то думаю, чего это ты нынче дома целый день отсидеться решил.

Сказав это, он понизил голос и с лукавой усмешкой добавил:

— И не скажешь ведь... наш Юй-ланчжун, выходит, и впрямь...

Вэнь Ецай смущённо тронул нос и отвёл взгляд. Но подобные бесстыдные разговоры у него с Бай Пином были далеко не впервые.

— Вчера ездили в Шуймо за мясом, — усмехнулся Вэнь Ецай, — Мясник Цзян подарил чашку свиной крови. Вот я и приготовил её...

Сказав это, он нахмурился и по-настоящему озадаченно продолжил:

— Странно, ведь я почти не двигался, а ночь прошла так, будто целый день серпом махал, до костей вымотался.

Сяо Дие-гер был ещё мал, Бай Пин не боялся, что ребёнок что-то поймёт. Прикрыв рот ладонью, он рассмеялся:

— У вас же только-только свадьба прошла, всё ещё в новинку. Так и должно быть. Самое время торопиться дитя завести.

Вэнь Ецай и вправду уже устал сидеть, опустил голову на стол и пробормотал:

— Я и сам хочу, да Шанчжи говорит: толку спешить, всё равно от этого не зависит.

Бай Пин понимающе кивнул:

— Он ведь сам доктор, как не знать лучше прочих? Тебе же повезло: и беременность, если вдруг тяжело, и потом, коли с ребёнком что случится — ни страха, ни забот. А мы вот всё живём настороже.

Вэнь Ецай протянул палец малышу, давая ему поиграть, и с улыбкой сказал:

— Вам тоже незачем тревожиться. Живём рядом, захочется - приходите в любую минуту.

Геры проговорили добрых полчаса, и вскоре Юй Шанчжи вернулся с аптечкой за плечами. Бай Пин сдержанно сжал губы, улыбнулся ему и поздоровался, а Вэнь Ецай, позабыв, что только что ел шелковицу, открыл рот и тем самым едва не напугал Юй Шанчжи.

— Что у тебя с языком?!

Лишь тогда Вэнь Ецай спохватился, показал ещё и пальцы, испачканные фиолетовым соком.

— Брат Пин принёс немного шелковицы.

Юй Шанчжи с облегчением вздохнул:

— Вот оно что.

Заметив, что как раз и Бай Пин тут, он рассказал им о состоянии Ду Го. С тех пор как тот едва не потерял ребёнка, прошло уже немало дней, но по его указанию Го-гер всё ещё лежал в постели, сберегая плод.

— Восстанавливается он не так хорошо, как я ожидал, — признал Юй Шанчжи, — но у меня всё же есть некоторая уверенность.

Помолчав, он добавил:

— Вам бы выбрать время и навестить его. Сегодня я смотрел: будто и энергии у него нет, и с Хань Люцзы он словно через силу улыбается.

Однако в конце концов это всё же их семейное дело, и втроём они решили не вмешиваться слишком глубоко.

Бай Пин и Вэнь Ецай условились через пару дней сходить к семье Хань навестить Ду Го, после чего он, держа на руках маленького Ху Дие-гера, отправился домой. Юй Шанчжи уже вернулся, и оставаться дольше было бы неловко, да и помешал бы супругам поговорить по-домашнему.

Стоило Бай Пину уйти, как Юй Шанчжи тут же подошёл к Вэнь Ецаю, скользнул рукой ему за спину и осторожно размял поясницу.

— Полегчало? — тихо спросил он. — После обеда дел особых нет, я сам схожу на поле посмотрю, а ты останься дома, отдохни.

Вэнь Ецай бросил на него взгляд и беспомощно сказал:

— Да у меня просто поясница да ноги ноют, не калека же. Что ты там в поле увидишь такого, чего я сам не знаю?

Юй Шанчжи не обиделся, лишь мягко ответил:

— Тогда пойду вместе с тобой.

Но в итоге они так и не пошли. Едва они доели обед, как сосед Сюй Линь принес на спине своего брата - понурого Сюй Гоуданя.

— Юй-ланчжун, потрудись, глянь этого сорванца, скорпион его ужалил, — выдохнул Сюй Линь, ставя мальчика на ноги.

Скорпион — не шутка, яд у него сильный. Юй Шанчжи поспешно усадил Сюй Гоуданя на стул и осмотрел место укуса: к счастью, всё выглядело не слишком тяжко.

— Брат смекнул вовремя: едва ужалил, сразу смахнул, жала внутри не осталось, — Сюй Линь тоже с облегчением выдохнул.

Юй Шанчжи поднёс руку к свету, тщательно разглядел ранку, затем велел Вэнь Ецаю принести мыльного раствора из цаоцзяо. Щелочной раствор мог слегка нейтрализовать яд. Но это лишь первая помощь, без лекарства не обойтись. Промыв рану, он взял маленький нож, обжёг лезвие в огне, сунул Сюй Гоуданю тряпку, чтобы тот закусил, и быстрым движением рассёк кожу. Сжав пальцами, он выдавил тёмную отравленную кровь. Парень стиснул зубы, жилы на висках вздулись, но он не издал ни звука.

Когда всё было сделано, Юй Шанчжи перевязал руку, достал баночку мази и ещё прописал отвар для приёма внутрь.

— Мазь накладывать трижды в день, отвар пить по две порции. Вот на три дня хватит. Яд неглубокий, выйдет, и ничего страшного не останется.

Сюй Гоудань держал распухшую, словно булка, руку и всё время вертел головой, будто кого-то искал. Сюй Линь заметил это и вроде бы небрежно спросил:

— Ну ладно, если всё обошлось, спасибо тебе, Юй-ланчжун. Слушай, а ваша Эрню дома?

Юй Шанчжи чуть замялся, потом ответил:

— Нет, вы же знаете, эта девчонка и минуты без дела не высидит. Я тут последние дни гоняю её учить иероглифы, так она с утра пораньше сбежала.

Услышав это, Сюй Гоудань опустил голову, неведомо о чём задумавшись, и тут же получил звонкую затрещину от брата:

— Ну чего раскис? Эрню нет, так она и не увидит твою дурацкую рожу, радуйся! Давай, марш домой! Жди, отец вернётся, не отвертись от ремня! Кто тебя просил за скорпионами шляться?!

Убедившись, что с братом беда невелика, тревога Сюй Линя обернулась гневом. Принёс его на плечах и так же волоком поволок обратно.

Юй Шанчжи проводил их до ворот, а потом ещё с минуту стоял там, погружённый в раздумья. Вернувшись в дом, он не удержался и спросил Вэнь Ецая:

— А-Е, тебе не кажется... будто Гоудань к Эрню неровно дышит?

Кто бы мог подумать, но Вэнь Ецай лишь спокойно ответил:

— Гоудань на девяносто процентов приглядел себе Эрню. А что такого?

На этот раз уже Юй Шанчжи был изумлён:

— Так ты давно это заметил?

Вэнь Ецай усмехнулся:

— Да он разве что на лбу себе это не вырезал, как же мне не понять? К тому же, ещё при моей матери, бывало, тётка Цуйфэнь в шутку заговаривала, будто неплохо бы их с Эрню в детстве обручить. Конечно, всерьёз об этом никто не договаривался, но кто знает, может, Гоудань где-то краем уха слышал. С тех пор как увидит Эрню, сразу смущается.

Юй Шанчжи припомнил — и вправду, Эрню часто играла с Гоуданем вместе. Но девочка иногда вела себя почти как сорванец, и он никогда не придавал этому значения. В его понимании, даже если речь и шла о детской влюблённости, все же слишком рано.

Он осторожно сказал:

— Говорят, старший брат — наполовину отец. Так ты как сам думаешь?

Вэнь Ецай почесал лицо и пожал плечами:

— Да я и не задумывался особо. В деревне подобное обычное дело: растут бок о бок, все друг друга знают, дойдут до возраста, и если не окажется ничего дурного, зачастую и женят. Вот если Сюй Гоудань изъявит желание посвататься, а Эрню тоже не против, тогда и решим.

Договорив, Вэнь Ецай бросил взгляд на лицо Юй Шанчжи, и вдруг, будто заметив что-то любопытное, прищурился, наклонился поближе и начал всматриваться.

— Пстой... а ты разве... не одобряешь Гоуданя?

— Тут дело не в том, одобряю я или нет, — Юй Шанчжи и сам понимал, что ему не слишком подобает высказывать своё мнение. Всё же до его появления братья и сестра из семьи Вэнь держались только благодаря поддержке семьи Сюй, и в такой обстановке брак между детьми двух домов, выросших бок о бок, в этой глухой деревне считался делом самым естественным. Более того, если Эрню вовсе не выйдет замуж, наверняка найдутся злые языки, которые станут шептать за спиной, что семья Вэнь, мол, не знает, как платить добром за добро.

— Просто думаю, — продолжил он, — что говорить об этом слишком рано. Ты ведь знаешь характер Эрню? Она ведь и сама ещё толком не понимает, что значит — нравиться или не нравиться.

Вэнь Ецай знал, что у Юй Шанчжи во многом взгляд на жизнь отличается от местных, и потому лишь усмехнулся краешком губ:

— Ты не тревожься, когда придёт время, мы сами присмотрим за этим. Хоть я и верю в порядочность семьи Сюй, но Гоудань ещё молод, кто знает, каким он вырастет. Впрочем, он тоже не так уж плох: вот уже два года учится в школе, и, скорее всего, в ближайшие пару лет попробует силы на экзамене в туншены.

Юй Шанчжи тоже был осведомлён об этом, но вдруг задумался:

— Пстой... жатва уже давно закончилась, а почему он всё ещё не вернулся в школу?

И действительно, за стеной в доме Сюй, как только Сюй Пэн вернулся, разыгралась настоящая баталия между отцом и сыном. Сюй Гоудань был прижат к скамье и получил несколько ударов ротанговой плетью.

— Не хочешь ходить в школу — и ладно, — гремел отец, — так ещё и дома умудряешься бед наделать! Силы у тебя, значит, через край плещут? Хорошо! Раз не желаешь учиться грамоте, а всё твердишь, что хочешь военному делу обучаться, так и быть, я найду тебе учителя боевых искусств! Но смотри, тогда зимой будешь тренироваться в самые морозы, летом в самую жару, и чтоб я не слышал ни единой жалобы!

Упрямый до крайности, Сюй Гоудань вскинул шею и крикнул:

— Я не стану жаловаться! Я хочу учиться бою! Я стану военным сдань-юанем, первым в экзаменах на военного чиновника!

Сюй Пэн с силой швырнул плеть на землю, глядя на распухшие руки сына, но так и не смог поднять её вновь, не решился бить по-настоящему.

Су Цуйфэнь хоть и жалела младшего, но, вспомнив, что все эти годы занятия в школе пропали насмарку, сама едва не сорвалась и готова была от злости выдернуть у него уши.

— Вон Санья, — гремел Сюй Пэн, — по состоянию здоровья не может ходить в школу, и всё равно каждый день с тоской смотрит на учёбу, да даже если в школу не идёт, дома всё равно книжки штудирует! А ты? У тебя есть возможность и всё впустую! Живёшь в счастье и не знаешь счастья!

У Сюя Гоуданя и рука болела, и задница горела от ударов, глаза были полны слёз:

— Я не могу сидеть на месте! Я всё равно ничему не научусь!

— Так ты ещё и споришь?! — вскинулся Сюй Пэн и уже поднялся, собираясь снова взяться за плеть.

Тут уж Сюй Линь с супругом кинулись каждый с одной стороны и поспешно его остановили. Но видно было - Сюй Гоудань упрямо упёрся, и Сюй Пэн с Су Цуйфэнь хоть и злились до белого каления, ничего поделать не могли.

В конце концов решили: лучше уж отпустить, чем впустую тратить деньги на обучение и слушать вечное ворчание. Пусть будет, как сам сказал: отправить его в ученики к мастеру боевых искусств. Даже если дорога к военным экзаменам не сложится, в будущем можно будет устроиться в охрану при богатом доме или пойти работать в охранный эскорт, в любом случае с голоду не умрёт.

Так что, как только рука Сюя Гоуданя, укушенная скорпионом, зажила, Сюй Пэн сразу же собрался везти его в уезд, в боевую школу. А там, в отличие от школы, никакого вольготного житья не будет: один выходной день на месяц, все остальные дни — тренировки, домой возвращаться нельзя.

Узнав о решении отца, Сюй Гоудань набрал в горах охапку ярких диких цветов и плодов, а в день отъезда в уезд нарочно позвал Вэнь-эрню и протянул ей это нехитрое подношение.

Вэнь-эрню с недоумением моргала:

— Ты говоришь, что бросаешь школу и едешь в уезд учиться военному делу?

Сюй Гоудань решительно кивнул:

— Когда я научусь боевому искусству, то вырасту высоким и сильным, а потом... потом смогу защищать тебя!

Вэнь-эрню расплылась в искренней улыбке:

— А я не нуждаюсь в твоей защите, меня ведь никто не обижает. Так что езжай поскорее, а когда вернёшься домой, я снова приду играть с тобой!

Её беззаботная улыбка словно разогнала мрак разлуки, что давил на сердце Гоуданя; он, повеселев, заулыбался во весь рот. Сюй Линь, глядя на то, как младший брат идёт, весь светясь от счастья, только тяжело вздохнул.

А вот Сюй Пэн и Су Цуйфэнь, провожая сыновей взглядом, лица были полны тревоги.

— Этот мальчишка... возмечтал о нашей Эрню, — буркнул Сюй Пэн, — и совсем не думает, достоин ли.

В его глазах раньше брак Гоуданя с Вэнь-эрню был бы делом простым и естественным, но теперь положение семьи Вэнь изменилось до неузнаваемости. Останутся ли они жить в деревне или уйдут дальше, искать лучшей доли, сказать было трудно. А их сын, этот глупый мальчишка, который даже скорпиона умудрился так задеть, что тот его ужалил, куда ему до Эрню, слишком велика разница.

Су Цуйфэнь поправила волосы и сказала спокойно:

— У детей и внуков будет своя судьба, пусть живут, как им суждено.

Стоял разгар лета, земля от солнца раскалилась добела, а цикады не умолкая надрывали голоса. Вэнь-эрню только ночью, когда выходила с палкой и липкой смолой ловить стрекочущих насекомых, пару раз вспомнила, что без Гоуданя у неё стало на одного помощника меньше, а в остальное время казалось, будто она и вовсе забыла этого приятеля.

Кон Майя тоже вместе с ней наловила немало цикад. Насекомых складывали в солёную воду на ночь, а на следующий день можно было нести в уезд продавать. Покупатели любили такой товар — свежий, чистый, сразу готовый к приготовлению.

Только вот Вэнь-эрню не знала, что, вернувшись домой, Кон Майя осмеливалась брать факел и отправляться в лес ловить ядовитых тварей. Скорпионов, многоножек и прочую ползучую дрянь она брала всех без разбора. Так за несколько дней ей удалось выручить кое-какие деньги и наскрести сумму на ученическое подношение для обряда принятия в ученики.

В шусю — обрядовом подношении при поступлении в ученики, — вяленое мясо было обязательным, а остальное зависело от сезона. Когда все эти вещи были куплены и разложены

на столе, Кон И испытал целый поток чувств.

— Когда я был мальчишкой и ходил учиться в школу, — сказал он с тоской, — моя мать тоже готовила такие же подношения.

Кон И рано потерял отца, а мать тоже вскоре ушла из жизни, теперь рядом с ним осталась лишь дочь. Многое уже давно стало воспоминанием, и потому он быстро отстранился от нахлынувшей грусти.

— Ну что ж, значит, положенных обрядов у нас не меньше, чем у других. Завтра твой обряд посвящения в ученики, приготовь одежду, повесь, чтобы не помялась, а вечером наберёшь воды, помоешься.

Кон Майя, услышав распоряжение отца, аккуратно собрала всё со стола и уже всем сердцем стала ждать наступления завтрашнего дня.

Когда издалека донёсся первый крик петуха, она, вся на взводе, проснулась раньше обычного. Сначала подала Кон И ночной горшок, сменила подстилку, помогла перевернуться, умыла и обтерла, а лишь потом вернулась в свою комнату, где старой, выщербленной гребёнкой, стоя перед зеркалом, принялась расчёсывать волосы.

Отец заранее напутствовал её: в день обряда посвящения в ученики всё должно быть безупречно, ровно и чинно, ни малейшей оплошности быть не может. Иначе, если деревенские придут поглазеть и заметят что-то не так, опозорится не только семья Кон, но и сам Юй-ланжун.

Тем временем в доме Вэнь.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай нарядились в новые, сшитые недавно одежды. Поскольку жена Лю берёт у городских лавок готового платья и у мастерских вышивки разного рода подённые заказы, она неплохо знала, что нынче в уезде считается модным. Потому и эти два наряда, едва извлечённые на свет, сразу бросались в глаза: явно не то, что носят в деревне повседневно. Это были вещи, которые Юй Шанчжи, следуя прежней своей привычке, велел пошить нарочно на случай, если предстоит появиться где-то в более торжественной обстановке.

На фоне спокойной собранности Юй Шанчжи, Вэнь Ецай выглядел несколько неловко. Юй Шанчжи, поправляя на нём пояс и прикрепляя к нему собственноручно сделанный ароматный мешочек, невольно спросил:

— Почему у тебя такой вид, словно ты страшно волнуешься?

Вэнь Ецай не признался:

— Разве?

Пальцы Юй Шанчжи скользнули по уголку его губ:

— Как это нет? Ты с самого начала только и делаешь, что грызёшь губы. Ещё немного и пойдёт кровь. Сегодня вечером перед сном не забудь намазать тот бальзам, что я недавно приготовил.

Вэнь Ецай смутился, и именно от смущения, будто назло себе, снова прикусил губу пару раз.

— Я ж думаю... раз уж мне теперь быть шиму, то это как будто заранее становлюсь для кого-то отцом.

Юй Шанчжи мягко его успокоил:

— Не стоит придавать этому слишком много значения, всё будет просто — небольшой обряд, и только.

Но в глазах Вэнь Ецай всё происходящее казалось куда более серьёзным: их новая одежда, заранее приготовленная табличка предков-наставников, курильница и благовония... Для него это уже выглядело самым настоящим торжеством.

— А если это не «просто»? Тогда как должно быть?

Юй Шанчжи на миг задумался, вспоминая прошлое:

— У моего деда бывало и так, что он принимал учеников из других семей. Хотя он преподавал в университете и, по сути, все его студенты считались учениками, но с обрядами дело обстояло иначе. Когда устраивали обряд посвящения в ученики, тогда должны были собраться все, и старшие из семьи, и братья-ученики. Меньше сотни человек никогда не бывало.

Вэнь Ецай представил себе размах в сотню с лишним человек и сразу почувствовал, что нынешний обряд вовсе не так уж и страшен. Увидев, как его брови и взгляд заметно расслабились, Юй Шанчжи едва заметно растянул губы в лёгкой усмешке.

Сегодня, учитывая, что Кон И тоже должен засвидетельствовать ученичество Кон Майя, а сам он передвигаться не в силах, Юй Шанчжи распорядился перенести обряд в дом семьи Кон. Когда наступил час Сы, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай заняли главные места, усевшись по обе стороны. Во дворе семьи Кон собралось на редкость много людей - все пришли поглядеть на диковину.

Юй Шанчжи велел Вэнь-эрню и Вэнь-санъя раздать гостям семечки да арахис. Сельчане, посмеиваясь, набрали себе по горсти, а когда дети разошлись, начали вполголоса

перешёптываться, кто похвалой, кто завистью: дескать, вот и к семье Кон повернулась удача. Только многие недоумевали, о чём думал Юй Шанчжи: если уж брать ученика, то не лучше ли было выбрать какого-нибудь смышлёного мальчишку? Кон Майя — всего лишь мелкая девчонка, а удостоена такой милости, что ей суждено постигать врачебное искусство рядом с ним.

Хотя кругозор у деревенских был невелик, кое-кто всё же слышал о городских порядках. И знали: пусть женщина-врач никогда не сравнится по положению с мужчиной-доктором, но в домах знатных и привередливых, когда заболел гер или девица, часто нарочно искали именно женщину-врача. В общем и целом, с того дня, как Кон Майя овладеет этим ремеслом, ей на всю жизнь не придётся думать о куске хлеба. К тому же её отец прикован к постели, и если она станет врачом, то как раз сможет и о нём заботиться.

У кого в голове мысли вертятся поживее, те уже начали исподтишка разглядывать Кон Майю: хоть семья Кон и не в чести, да ещё с немощным отцом, но раз уж Майя станет ученицей у Юй Шанчжи, значит, наполовину вошла в семью Вэнь. А если удастся подстроить так, чтобы их глуповатый сынок женился на ней, то выгоды тут очевидные.

Пока в толпе судачили то один, то другой, вдруг кто-то крикнул: «Начинается!» — и все разом перестали жевать, вытянули шеи, уставились вперёд.

Юй Шанчжи в лазоревом одеянии, волосы собраны деревянной шпилькой, весь облик его — статный, достойный. Он обернулся к стоявшей на столе дощечке с именем праотца врачей, Сунь Сымяо, и с глубочайшим почтением возжёл благовония.

Затем настала очередь Кон Майи. Девочка высоко подняла над головой собственноручно написанное приглашение в наставники и, с предельной серьёзностью обратившись к Юй Шанчжи, совершила великий обряд — три поклона и девять земных поклонов.

Когда Юй Шанчжи принял приглашение, Вэнь-эрню вовремя шагнула вперёд и поднесла деревянный поднос с чаем Кон Майе. Чайных чашек оказалось две: одну поднесли в знак почтения Юй Шанчжи, другую — Вэнь Ецаю. Юй Шанчжи опустил ресницы и пригубил, не выказывая ни малейшего чувства; Вэнь Ецай же пил, чувствуя, как сердце гулко колотится в груди. Когда и он осушил чашу, Кон Майя снова ударила поклоном о землю — с этой минуты ей надлежало именовать их «шифу» и «шиму».

Напоследок настала очередь «наставления», которое как учитель должен был произнести Юй Шанчжи. Он обратил взгляд на всё ещё стоявшую на коленях Кон Майю, и лицо его, всегда мягкое, ныне обрело строгую серьёзность:

— С этого дня, войдя во врата нашей школы целителей, ты должна помнить: истинный врач, приступая к лечению, обязан хранить умиротворение и твёрдую волю, быть без корысти и без жажды выгоды; сперва пробудить в сердце великое сострадание, искренне желать облегчить страдания всего живого...

Он чётко и весомо продолжил:

— Кто бы ни пришёл просить о помощи, будь то знатный или бедный, старый или молодой, красивый или уродливый, друг или враг, китаец или иноземец, мудрец или простак, различия не должны становиться помехой...

Эти слова были заимствованы из «Да и цзинчэн» — трактата «Великая искренность врача», составленного самим Сунь Сымяо. И именно его строки стали для Юй Шанчжи первым длинным текстом, который он, ещё мальчиком, научился декламировать наизусть под наставлениями деда, едва выучив грамоту.

А в эту минуту каждое слово, которое произносил Юй Шанчжи, Кон Майя повторяла за ним, слог в слог. Звучание её голоса было звонким, словно удар по нефриту или раскат меди; слова падали, как тяжёлые камни, и из крошечной комнаты разносились во двор. Даже воробьи под карнизом насторожённо повернули головки, а потом, испуганные, затрепетали крыльями и улетели прочь.

Сотни лет минули, а искусство врачевания не прерывалось лишь потому, что так, из поколения в поколение, передавалось оно из уст в уста, из рук в руки.

Никто не заметил, в какой миг шум и гомон во дворе стихли. И не только любопытные односельчане перестали перешёптываться, даже Вэнь Ецай, который прежде никогда не видел Юй Шанчжи столь суровым, слушал, затаив дыхание. Казалось бы, Кон Майя — всего лишь маленькая девчонка; когда она хмурит бровки и старается держать лицо серьёзно, это больше похоже на игру «во взрослых». Но стоило ей повторить каждую фразу учителя твёрдым голосом, как будто нечто незримое изменилось в ней самой.

Слова звучали учёно, витиевато, и для крестьян, что едва умели складывать буквы, многое оставалось непонятным. Но когда речь заходила о том, что «все люди равны, как родные» или «нельзя ради личной выгоды взвешивать исход болезни», такие истины проникали в сердце каждого.

Постепенно во всём дворе остался только шум ветра. И словно по велению свыше, у каждого из присутствующих в душе поднялась тихая волна уважения.

Кон И с усилием поднял голову и, увидев прямую спину своей дочери, что твердо стояла перед учителем, с трудом, но счастливо улыбнулся. В этот миг налетел лёгкий ветерок, и вместе с ним в комнату залетели несколько лепестков абрикосовых цветов, соскользнувших с неведомых ветвей. Они кружились в воздухе, источая нежный аромат, и словно сами возвестили: обряд завершён.